

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по иранистике)

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982 г.

Voyages. Paris, 1718. Karsten Niebuhr, Reisebeschreibung nach Arabien. Amsterdam, 1774-78; J.Morier. Second voyage en Perse. Paris, 1818.

² ЦГИА, ф. 733, оп. №№ 12, 15, 87; ф. 518, оп. № 3.

³ **Travels in Georgia, Persia, Armenia and ancient Babylonia, 1817-1820. London, 1821-1822.**

⁴ Там же, стр. 492.

⁵ См. работы: И.И.Горностаева, В.Г.Луконина, V.Hinz.

⁶ В.Г.Луконин. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, стр.19.

⁷ **R.D.Barnett. Sir Robert Ker Porter - regency artist and traveller. Iran, vol. I, 1972, pp. 19-24.**

О.И.Галеркина

О РУКОПИСИ № 407 ИЗ СОБРАНИЯ МАТЕНАДАРАНА

Рукопись № 407 из собрания Матенадарана (Ереван) представляет значительный интерес для истории литературы и художественной культуры Хорасана и Мавераннахра 2-ой пол. XV- I-ой пол. XVI веков. Список прожил сложную жизнь. Составляющие его пять страниц, расклеенные на четыре листа и сброшюрованные, судя по характерным картонным крышкам с коленкорovým корешком, в Средней Азии XIX века, исцарапаны, повреждены сыростью. Однако безжалостные следы времени не умаляют художественной и научной ценности страниц, некогда принадлежавших трем разным стихотворным сборникам, сохраненным, по видимому, любителем восточной каллиграфии и искусства рукописной книги по признаку высокого качества. Хотя и пострадавшие в цвете (особенно кобальт, золото), все они написаны великолепным насталиком и нарядно украшены. Язык 4-х страниц староузбекский, 5-я страница написана на фарси.*

лл. 1б-2 (восточной пагинации) представляют собой разворот фронтисписа. В каждой из половин текст центрального поля вклеен и состоит из шести, смещенных вправо и влево, через одну, строк

* Автор данной публикации ставит своей задачей рассмотрение декоративного оформления рукописи № 407, для исчерпывающей характеристики списка он воспользовался любезной консультацией проф. А.Н.Болдырева (ЛГУ) и канд. филологич. наук С.Г.Ганиевой (Институт языка и литературы им. А.С.Пушкина АН Уз.ССР), за что приносит им искреннюю благодарность.

стихов, на староузбекском языке. К сожалению, до сих пор не удалось определить принадлежность лл. 1б-2 перу какого-либо известного автора. Однако размер и ритм приведенных отрывков адекватны тексту поэмы Хайрат аль-абар ("Смятение праведников") Алишера Навои.

л.1б. Первая строка текста смыта. Далее следует рассуждение о том, что каждое дело мудрец должен начинать с именем Аллаха, тогда он достигнет успеха.

л.2. Продолжение введения:

Имя Аллаха произноси без запинки,
Если язык твой запнется, отруби его,
Ибо тот, кто не твердит непрестанно имени Всевышнего,
не нуждается в языке.
Небесные сферы вращаются именем Бога,
и каждая песчинка в мире создана им.

Текстовые части обрамлены тройной орнаментальной рамкой и фестонами ступенчатой конфигурации, выходящими на поля соответственно вправо и влево. Стилистически такая форма фестона предвосхищает более плавные дугообразные построения поздне-гератского периода (к. XV в.). Строгие очертания фронтисписа и фестонов находят аналогии в так называемом "Раннем диване" Навои 1465-66 гг., работы знаменитого каллиграфа Султан-Али Машхади (ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Дорн 564), выполненном в Герате при жизни поэта, за несколько лет до прихода к власти последнего гератского тимурида - султана Хусейна (1469-1506). Фронтиспис ленинградского списка Навои, где синевя рамка расцвечена тончайшими золотыми и белыми побегими, с которыми продуманно гармонируют благородная простота почерка и теплый тон полей, помогают понять утраченный колорит листов ереванского Навои. Декоративное убранство листов рукописи поражает удивительным пониманием задач оформления книги, связи с текстом, единства каллиграфии, шрифта, орнамента, книжной страницы в целом. Диптих рукописи № 407 еще требует тщательного графологического анализа, однако представляется, что его насталик аналогичен почерку "Раннего дивана". В этом случае, учитывая также стилистические особенности декоративных листов рукописи № 407, мы можем сблизить их с экземпляром "Раннего дивана" Навои и отнести к 1460-м годам, к гератской школе каллиграфии, неизвестным образцам работы Султан-Али Машхади (?).

Следующие два листа поэтического текста, написанные на староузбекском языке, вклеены в рамки очень высокого качества, хотя и плохой сохранности, разрисованные жидким золотом. Орнамент рамок несколько отличен один от другого. На л. 2-б он составлен из изображений обезьян и лисиц, резвящихся среди ветвей граната. На л. 3-б среди цветочно-облачного узора изображены всадники во время охоты, а также лисы, птицы - мотивы характерные для орнамента тебризской школы I-й пол. XVI в., однако не исключено, что текст был переписан ранее, во времена последних Тимуридов. По заключению С.Г.Ганиевой, эти две страницы относятся к вводной части поэмы "Махзан ал-асраф" (Сокровищница тайн) Хайдара Хоразми и воспевают силу слова и его места в жизни человека. Поэма создана ок. 1409-1414 г. (публикация нашего отрывка, начиная с 5 строки помещена в узбекской хрестоматии "Узбек адабиети", Ташкент, 1968 г.).

л. 4-б. Пятый лист, представляющий газель Хафиза и написанный прекрасным насталиком на старой гератской (?) бумаге, украшенной жидким золотом (гвоздики, цапли, бабочки, заяц), к сожалению, выскоблен в строках, содержащих дату и имя каллиграфа. Исследовавший текст А.Н.Болдырев предполагает по сохранившимся фрагментам, что подпись восстанавливается следующим образом: "Написал сме раб ничтожный грешный... аш-Ш(ирази?) ... в месяцы год 92 (?)", предположительно 920/1514-15 н.э. Возможно, дата и подпись испорчены умышленно, чтобы приблизить время переписки газели Хафиза к ее орнаментальному оформлению.

Текст вклеен в синюю рамку цветочного орнамента и широкие, с золотыми побегими поля, украшенные в верхней части фестончатым картушем с изображением юноши, держащего палу и графин и другого музыканта с платком и бубном. По стилю это изображение преемственно связано с поздне-гератской школой. Сходные персонажи, также украшающие каллиграфический текст, датированный к. XV в. помещены в издании Э.Кюнеля (Ernst Kühnel. Islamische Schriftkunst Graz, Austria 1972, с. 67, табл. 69). Однако, судя по форме картуша и качеству красочного слоя, поля газели рукописи № 407 созданы в Мавераннахре ок. 1530-х гг. (после привоза гератских мастеров Убайдулла-ханом) и могли быть специально выполнены как иллюстрация к газели или подобраны по смыслу. Аналогии данному сюжету зачастую встречаются в поэтических сборниках к. XV - н. XVI вв., как страничные иллюстрации, избыточные жанровыми моментами и не имеющие прямого отношения к тексту - (сцена

винопития и чтения стихов (Музей прикладного искусства, Лейпциг), беседа и чтение юношей в саду, лист из бухарской "Антологии 1529 г." (ЛО ИВ АН СССР С-860). Подобные "нейтральные" сюжеты олицетворяют возвышенное состояние единения человека и природы.

В рассматриваемой нами газели Хафиза за обычным тематическим рядом "весна-любовь-соловей-роза" и вино-мистическими иносказаниями об опьянении (божеством) таится лукаво-бесцеремонное напоминание поэта о задержанном жалованьи, обращенное к духовному правителю, "предводителю священного пути" — кадию.¹

Ю. Ради бога, помоги, о предводитель священного пути,
Ибо не видно края в пустыне любви.

II. Весна проходит, о Справедливец! Пойми же,
Что сезон прошел, а Хафиз до сих пор не выпил!

Миниатюра на полях, не обладающая поэтическим иносказанием, иллюстрирует только повествовательную сторону газели:

I. ... наступила весна и появилась трава, если выдадут жалованье, потратим его на цветы и вино.

Предполагается, что просвещенный читатель поймет скрытое содержание миниатюры, которое, в соответствии с суфийским кругом представлений, могло быть истолковано как мистическое опьянение на пути к единению с божеством.

Таким образом, рукопись № 407, ограниченная периодом времени ок. 1460-1530, хранит драгоценные страницы литературно-художественного наследия Хорасана и Мавераннахра, завершившие свой путь в надежном хранилище Матенадарана.

¹ Помещаем полный текст газели, ранее не публиковавшейся, в переводе А.Н.Болдырева:

1. Пришла радостная весть, что наступила весна и появилась трава,
Если выдадут жалованье, потратим его на цветы и вино.
2. Разнесся посвист птиц, где чаша-птица с вином?
Залился соловей, когда роза сорвала чадру.
3. Как поймет вкус райских плодов
Тот, кто не покусывал яблоко подборodka красавца?

4. Диковины на пути любви, о товарищ, многочисленны:
Перед ланью этой степи лев в испуге бежал!
5. Не жалуйся на огорчения, ибо на Пути Стремления
Не достиг покоя тот, кто не изведал Труда.
6. На улицу любви не ставь без провожатого ногу.
Потеряется тот, кто на этом пути не достал предводителя
7. С лица лунноликого виночерпия срывай розы сегодня,
ибо вокруг ланит-цветников появился пушок-фиалки.
8. Так кокетства кравчего расстроили мое сердце,

Что ни с кем другим не хочу говорить.

9. Я эту пеструю как цветок мурачку хочу сжечь,
Ведь старец-виноторговец не взял ее даже за один глоток
вина.
10. Ради Бога помоги, о предводитель священного пути,
Ибо не видно края в пустыне Любви
11. Весна проходит, о Справедливец! Пойми же,
Что сезон прошел, а Хафиз до сих пор не выпил!

А.И. Колесников

"ШАХ-НАМЕ" ФИРДОУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ САСАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

В силу ряда причин основными источниками по истории арабских завоеваний в Иране в УП в. н.э. оказались арабоязычные сочинения, написанные два-три века спустя после падения Сасанидского государства. До недавнего времени они оставались и единственными источниками по этому периоду. Возможность привлечения иранского материала сдерживалась тем обстоятельством, что персоязычные исторические сочинения в главах, посвященных раннему исламу, в основном повторяли сведения мусульманских историков, писавших по-арабски (Табари, Балазури и др.).

Так обстояло дело с произведениями персидской исторической прозы, обозначившими эпоху становления новоперсидского литературного языка. Что же касается поэтического свода иранских преданий, составленного в X в. классиком средневековой персидской